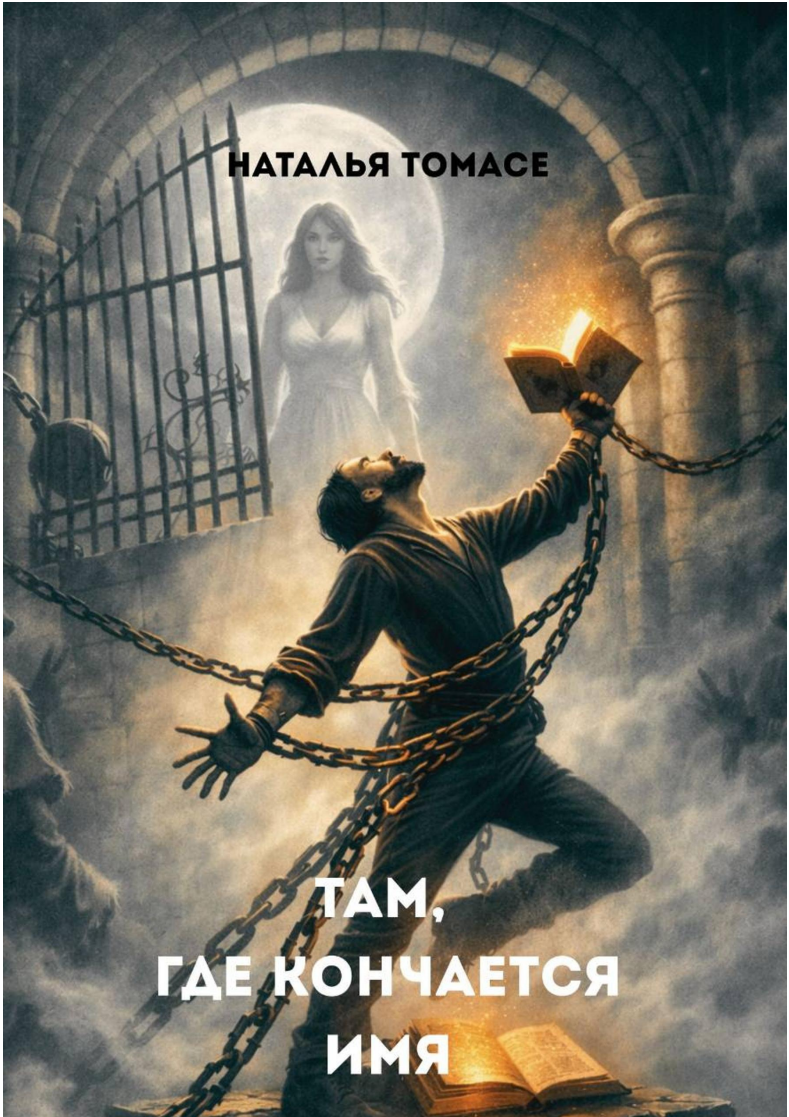

НАТАЛЬЯ ТОМАСЕ
ТАМ,
ГДЕ КОНЧАЕТСЯ
ИМЯ

Наталья Томасе

Там , где кончается имя

https://litres.ru/74702639
SelfPub; 2026

Аннотация

Он хотел забыть прошлое.

Но что останется от человека, если вместе с болью исчезнет память о любви?

Когда граница между жизнью и смертью, реальностью и сном начинает исчезать, ответ становится важнее самой истины.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	58
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Там , где кончается имя

Мистико-психологический роман

Часть 1

Глава 1

Я хочу забыть. Не всё. Не всех. Но многое. Я хочу забыть, как спорил до хрипоты с женой, доказывая свою правоту. Как мы оба были неправы и оба были слепы. Я хочу забыть, как держал руку дочери в последний раз – и не знал, что это в последний. Как потом искал её во снах, в тенях, в чужих лицах. Я хочу забыть страх. Тот липкий, бессмысленный страх, который держит меня в клетке, когда нужно просто принять. Я хочу забыть, как я молчал, когда нужно было говорить. И когда говорил, когда нужно было молчать. Я хочу забыть, как смотрел в зеркало и не видел себя. Я хочу исчезнуть, не потому что устал, а потому что не знаю, кто я.

Мужчина, расположившийся за столиком у окна, оторвался от написания, отложил ручку и, отодвинув «Дневник», устремил взор на улицу. Кафе называлось «Rifugio del Tempo»[1], и будто нарочно пряталось от посторонних глаз в лабиринте тихих улочек Трастевере[2] , где старые дома тесно прижимались друг, а с кованых балконов каскадами ниспа-

[1] «Убежище времени» (ит.)

[2] Район узких средневековых улочек на западном берегу Тибра в Риме

дали изумрудные виноградные лозы.

Внутри царило обволакивающее тепло. Терракотовые стены хранили следы времени в виде потёртых фресок, а на полках, как в музее памяти, покоились пожелтевшие книги, пучки засушенных трав и старые, выцветшие фотографии вечного Рима. В воздухе витал густой, пьянящий аромат свежесваренного кофе и пряной корицы, приправленный легкой меланхолией только что закончившегося дождя.

Во взгляде мужчины не было интереса к происходящему за окном, а скорее глубокая задумчивость. Казалось, он искал ответы в лабиринтах собственного сознания. На столе, будто натюрморт, застыла чашка с дымящимся ристретто и аппетитный корнетто, соблазнительно набитый ванильным кремом.

— Лука! — окликнули его. Звук голоса вырвал его из плена мыслей, и он повернулся на зов.

От дверей, лавируя между столиками, к нему направлялся мужчина лет сорока пяти, с лёгкой сутулостью, выдававшей в нём человека, проводящего жизнь за клавиатурой. На переносице красовались культовые, с узнаваемой стрелкой на дужке солнечные очки *Persol*, на запястье — «умные» часы, а на плече — стильная кожаная сумка с ноутбуком.

Густые, тёмно-каштановые волосы мужчины были слегка растрёпаны из-за привычки запускать в них пальцы всякий раз, когда приходилось думать. А думать Марко Риццо приходилось немало. Журналист, специализирующийся на циф-

ровых системах, киберугрозах и технологиях будущего, он писал для нескольких европейских изданий и колесил по миру – то в Женеву на конференцию по цифровой этике, то в Берлин на интервью с хакером, переквалифицировавшимся в консультанта.

И всегда с ним его ноутбук – его тень, его меч и его безмолвный исповедник.

Друзья обменялись крепким рукопожатием, и Марко, вскинув два пальца, крикнул бармену:

— Как обычно! – и удобно устраиваясь в кресле и кивнув на раскрытый «Дневник» Луки, он произнёс, обращаясь к другу: — Интересно, в наш век торжества кибернетики и всепоглощающего интернет-хаоса, много ли ещё в Риме безумцев, доверяющих свои сокровенные мысли перу и бумаге?

— Если бы ты с моё поработал в AISI [3], то не задавал бы подобных вопросов, — усмехнувшись, сказал Лука и сделал последний глоток ристретто.

Бармен принёс двойное эспрессо и *Sfogliatella*. Марко откусил кусочек пирожного, источающего аромат рикотты, манки и цукатов, и, не переставая жевать, сказал:

— Не, всё же странно для человека, кто не просто с компьютером на «ты», а перед кем компьютерная система почтительно снимает шляпу, обращаясь на «вы» и не иначе, как

[3] Итальянская спецслужба, часть итальянского разведывательного сообщества (так называемой Системы информации для безопасности республики)

«Синьор Моретти».

— Компу ничего нельзя доверять, — смеясь, ответил Лука. — Стоит тебе только дотронуться до «клавы» и сразу попадёшь под колпак таких дельцов, как я. Именно поэтому сам я пользуюсь бумагой и ручкой.

Марко откинулся на спинку кресла, задумчиво глядя в окно. Римское утро лениво вступало в свои права, окрашивая черепичные крыши в теплые охристые тона. Уличный шум постепенно набирал силу, смешиваясь с гулом мопедов и обрывками разговоров.

— Ты прав, конечно, — согласился, наконец, он. — Цифровой след – штука коварная. Но неужели ты думаешь, что рукописный текст надежнее? Экспертиза почерка, химический анализ чернил — методов хватает. Да и потом, физическую копию проще украсть или уничтожить.

Лука пожал плечами.

— Риск всегда есть. Но бумага дает иллюзию приватности, знаешь ли. А в нашем деле это дорогого стоит. Кроме того, — он улыбнулся, — когда пишешь от руки, мысли формулируются иначе. Процесс замедляется, появляется возможность обдумать каждое слово. Компьютер же подталкивает к скорописи, к автоматизму. А автоматизм — это прямой путь к ошибкам.

Марко внимательно посмотрел на Луку.

— Допустим. Но ты же не будешь отрицать, что современные технологии предоставляют огромные возможности

для анализа информации? Семантический анализ, распознавание образов, искусственный интеллект… Всё это позволяет выявлять связи, которые раньше были невидимы.

— Безусловно, — кивнул Лука. — Я и сам этим пользуюсь. Но, как говорится, доверяй, но проверяй. А в нашем бизнесе – проверяй особенно тщательно. И иногда старая добрая бумага оказывается надежнее самых продвинутых гаджетов.

— Кстати, о «проверяй»! — Марко отодвинул пустую чашку, засунул в рот остаток слоёной выпечки и стал доставать из сумки ноутбук.

Они были совершенно разными.

Лука был высоким мужчиной с прямой осанкой и точными, экономными движениями. Серебро ранней седины уже тронуло виски, делая его старше своих лет. В серо-стальных глазах редко появлялись эмоции, а простая тёмная одежда лишь подчёркивала впечатление внутренней собранности.

Марко Риццо был его полной противоположностью — шумный, живой, с вечной искрой в глазах и словами, которые опережали мысли. Если Лука был сталью, то Марко — огнём. Болтливый, импульсивный, он жил в ритме импровизации, как в старом джазе, который они оба обожали. Невысокий, слегка полноватый, с мягкими чертами лица и тенью хронического недосыпа, он жестикулировал так, будто разговаривал не только словами, но и руками.

Он, как всегда, рассказывал о своём новом расследовании

с такой увлечённостью, будто речь шла о личной победе над хаосом. Хрипловатый от сигарет голос заполнял пространство кафе. Лука слушал вполуха, взгляд автоматически отмечал прохожих — походку, одежду, выражения лиц. Привычка, въевшаяся в кровь за годы работы в AISI.

— Ты вообще меня слушаешь? — внезапно спросил Марко, прервав монолог.

Лука оторвался от своих наблюдений и слегка улыбнулся.

— Конечно, Марко. Просто задумался. Продолжай.

Марко хмыкнул, но не стал настаивать — он давно привык к тому, что Лука всегда немного в стороне, даже сидя напротив. Именно это спокойствие и надёжность он в нём и ценил.

— Так вот, — сказал он, понизив голос. — Я наткнулся на одну штуку. Очень странную. Сайт называется «Тень истины».

Лука приподнял бровь и отставил чашку. Теперь он слушал.

Марко наклонился ближе:

— Там происходит какая-то чертовщина. И не в стиле «городские легенды». Люди пишут о сбоях, вирусах, сообщениях на языке, которого не существует. Фотографии меняются прямо на глазах. И… — он понизил голос ещё сильнее, — некоторые утверждают, что им звонили с номеров, которых нет в сети. С голосами мёртвых.

Лука нахмурился. Мистика — не его область. Но необъ-

яснимые цифровые аномалии — это было интересно.

— Что именно указывает на взлом? — спросил он спокойно, но взгляд стал внимательнее.

Марко оглядел кафе, будто проверяя, не слушает ли кто-то.

— Всё это слишком… целенаправленно. Слишком умно. Если это вирус, то он ведёт себя как живой. И если это новая атака, статья будет бомбой.

Лука вздохнул.

— И что ты хочешь? Чтобы я туда залез?

— Именно! — глаза Марко вспыхнули. — Ты же скептик, но ты лучший в этом деле. Мне нужна твоя голова.

Лука поднял палец, заказывая ещё кофе.

— У меня сейчас другой проект. Серьёзный. Но… — он чуть наклонил голову, — если это действительно не обычный фишинг, я посмотрю.

Марко довольно улыбнулся. Он знал: если Лука сказал «посмотрю», значит, он уже наполовину согласился.

— Но с одним условием, — сказал бывший разведчик, откинувшись на спинку стула. — Мы делаем все по науке. Никаких спиритических сеансов и вызовов духов. Только анализ кода, сетевого трафика и прочие радости кибербезопасности. И если окажется, что это обычный фишинг, ты мне оплачиваешь неделю отпуска на Мальдивах.

Марко хлопнул в ладоши — слишком громко для маленького кафе.

— Договорились! И поверь, это не фишинг. У меня мурашки по коже от одного взгляда на этот код. Он какой-то… живой.

Лука усмехнулся, но взгляд его потускнел.

— Только давай завтра. Сегодня я на кладбище. Сам понимаешь… — он не договорил, лишь тяжело выдохнул.

Марко сразу посерьёзнел и засунул не понадобившийся ноутбук обратно в сумку. Он не стал задавать вопросов. Два года — слишком мало, чтобы притупить такую боль. Он просто кивнул — коротко, без слов, как делают люди, которые знают, что любое сочувствие звучит фальшиво.

— Тогда до завтра, старик, — вставая, лишь сказал он на прощание.

— Утром заеду. Покажешь свою «чертовщину», — кивнул Лука.

Довольно улыбаясь, Марко положил руку на плечо друга, коротко сжав его, и вышел из кафе, оставив старого приятеля наедине с дневником, кофе и памятью, от которой невозможно спрятаться даже в самом тихом кафе Рима…

Глава 2

Вернувшись с кладбища, Лука чувствовал себя пустым. Пустота была тяжёлой, вязкой — словно бетон, залитый в грудную клетку. Он не плакал. Он давно не умел плакать. Слёзы появляются, когда боль ищет выход. Его боль выхода не искала — она жила в нём, как ещё один орган.

У могилы он всегда чувствовал себя чужим. Будто это не он должен был стоять там. Будто само его присутствие — ошибка. Почему так получилось, что он выжил, а они — нет. И с каждым шагом от кладбища не становилось легче. Только тише. А тишина пугала его сильнее всего.

Дома Лука опустился на диван и включил телевизор. На экране мерцала старая комедия с Челентано и Мути — лёгкая, шумная, почти беззаботная. Для него это был просто фон, попытка спрятаться от тяжести дня. Странная новость от Марко, годовщина гибели дочери, визит на кладбище — всё легло на него слоями, как пепел.

Мысли метались, как осколки разбитого зеркала, складываясь в болезненный калейдоскоп. Каждый обломок — эпизод той аварии двухлетней давности. Картинки сменяли друг друга, не давая ни секунды покоя. Лука прикрыл глаза, надеясь отгородиться от наваждения, но усталость, как тягучая смола, сковала сознание, увлекая его в тёмную глубину

сна…

Он стоял на берегу прозрачного, как стекло, озера, окружённого горами, покрытыми хвойным лесом. Вода отражала звёзды, которых не было на небе. Тишина была абсолютной — будто мир забыл, что такое ветер и птичий крик. Лука чувствовал себя лёгким, почти невесомым. И впервые за долгое время — спокойным.

Это была та самая тишина, которую он искал годами, убегая от города, от прошлого, от собственных мыслей. В голове не было ничего — только покой и ощущение растворения в этом безмолвии.

И вдруг — голос. Тонкий, чистый, как колокольчик в тумане.

— Папа…

Он обернулся. На другом берегу стояла девочка. Белое платье, босые ноги, распущенные волосы. И улыбка — та самая, которую он помнил до последней черты.

— Мими… — выдохнул он, и голос дрогнул.

Она шла к нему прямо по воде, и поверхность озера даже не колыхнулась.

— Ты ищешь меня, но я уже дома, — сказала она, подходя ближе. — И ты можешь найти меня там.

— Где твой дом? — спросил он, едва сдерживая слёзы.

— Там, где говорит тишина. Ты найдёшь это место. Оно носит моё имя.

Он протянул руку, но коснулся только воздуха. Девочка рассмеялась — и её смех был таким чистым, что сердце Луки сжалось.

— Не грусти, папа, — сказала она. — Я не исчезла. Я стала частью всего. Частью ветра, что трогает листья. Частью солнца, что греет твою кожу. Когда ты придёшь туда, где говорит тишина, ты почувствуешь меня.

— Где это, Мими? Что может носить твоё имя? Место? Озеро? Дом?.. — И вдруг его осенило. Он прошептал почти с благоговением:

— Обитель. Обитель святой Марии.

Она кивнула.

— Ты найдёшь покой, если позволишь себе услышать. Я рядом, папа. Всегда.

Она протянула руку — но так и не коснулась его. И исчезла. Как свет, когда закрываешь глаза…

… Лука проснулся с резким вдохом, как будто вынырнул из глубины. За окном забрезжил рассвет. Телевизор ещё работал, транслируя классический концерт. Сердце билось быстро, словно в предчувствии чего-то важного и приятного. Боль всё ещё была с ним. Но теперь в ней появилась трещина, через которую пробивалась надежда. Монастырь Святой Марии.

Он поднялся, включил ноутбук, открыл браузер и набрал: «*Обитель святой Марии*». Результатов оказалось слишком

много. Лука ушёл на кухню, сварил крепкий эспрессо. Горечь и жар напитка вернули его в реальность, как якорь. Вернувшись к компьютеру, он стал листать список:

Санта-Мария-дель-Грацие

Санта-Мария-Маджоре

Санта-Мария-дель-Фьоре

Монастырь Святой Марии у озера

Монастырь равноапостольной Марии Магдалины… и т. д.

Перед глазами всплыла картинка из сна — горы, лес, озеро.

Альпы? Апеннины?

Лука прикрыл глаза, пытаясь удержать образ. Ледниковые шапки вдали, острые пики — как зубья Монблана. Не светлые доломитовые башни, а тёмные, суровые скалы, уходящие в облака. Вода — прозрачная, с мягким бирюзовым оттенком, не резкая, как в Южном Тироле. Берега — сосны, мох, влажная земля.

«Западные Альпы», — промелькнуло в голове.

Он открыл глаза и уставился в одну точку на стене. Догадка была почти физически ощутимой. Губы медленно растянулись в улыбке.

— И никаких альпийских лугов… — пробормотал он и набрал в поисковике: «Монастырь св. Марии. Западные Альпы».

Туристических объектов с таким названием не было. Зато всплыли две странные ссылки.

Первая — блог реставратора: короткая заметка о заброшенном монастыре Святой Марии в Тихом лесу, недалеко от озера Монсензио.

Вторая — легенда о «Доме снега» в деревне Валомбра, где вскользь упоминался тот же монастырь, основанный в XII веке и частично реставрируемый осенью 2024 года.

Ни фотографий, ни адреса, ни координат. Только текст. Что-то в описании зацепило его. Озеро. Тихий лес. Странное совпадение со сном. Рациональных оснований было недостаточно, но интуиция впервые за долгое время оказалась громче логики.

Но как найти место без координат?

Он раздражённо поморщился и уже собирался закрыть вкладку, когда курсор дёрнулся сам по себе. Лука замер. Отключил клавиатуру. Проверил мышь. Всё исправно.

Но курсор продолжал двигаться.

По спине Луки пробежал холодок. Он откинулся на спинку кресла, не сводя глаз с экрана. Первой мыслью был взлом. Второй — программный сбой.

Курсор выписывал странные линии, неуверенные, дрожащие, словно невидимая рука пыталась вспомнить, как писать. Цифры складывались медленно, мучительно, будто пробуждаясь после долгого сна. И наконец на экране появились географические координаты.

Лука сделал скриншот, затем — по старой привычке — сфотографировал экран телефоном. После этого машиналь-

но щёлкнул по координатам. Всплыло сообщение:

«Добро пожаловать в монастырь Святой Марии в Тихом лесу!»

И карта маршрута от Рима до деревни Валомбра.

Он сохранил всё на телефон, затем взял блокнот и быстро записал:

Рим — Милан — Бардонеккья — Валомбра — Монастырь Святой Марии.

Открыв карту на телефоне, он пробил путь от Бардонеккьи до Валомбра и снова сделал скриншот.

Лука поднялся. Мышцы были напряжены, будто перед боем. Подойдя к окну, он смотрел на Рим — знакомые огни, привычный ритм. Но сейчас всё казалось далёким, нереальным, как декорации чужой жизни.

Он понимал, насколько абсурдно — следовать за голосом дочери из сна. Всю жизнь он был аналитиком, человеком логики, причин и следствий. Но последние месяцы Мими преследовала его в каждом воспоминании, в каждом сне. И все рациональные доводы рассыпались, как пепел.

Он налил виски, сделал большой глоток. Алкоголь чуть приглушил дрожь, но не заглушил настойчивый внутренний зов.

— А если я действительно найду там покой? — сказал он вслух. — Что я теряю? Красивый пейзаж, горный воздух… Может, это и есть то, что мне нужно.

Лука всегда боялся неизвестности, предпочитая контроль

и предсказуемость. Он вспомнил слова старого учителя: «Иногда самое важное решение — это прыжок в неизвестность». Сейчас эти слова звучали почти пророчески. Он столько раз пытался жить логикой после смерти Мими, что уже перестал понимать, помогает она ему или только удерживает на месте.

От этой мысли его передёрнуло. Лука залпом допил виски, поставил стакан и достал из шкафа дорожную сумку. Он собирал вещи быстро, почти автоматически — решение уже было принято.

Он позвонил Марко. Тишина. Тогда записал голосовое:

«Слушай, *CyberPulse,* я на выходные смотаюсь в Альпы. Да-да, помню про твой "чудный сайт". Не слился. Через пару часов заеду, заберу твоё железо и наработки — в поезде всё гляну».

Купив билет через Милан до Бардонеккьи, Лука открыл *Airbnb*[4] и, скептически приподняв бровь, ввёл: «Валомбра». Он ожидал пустоту. Но сайт выдал единственное предложение — дом прямо в этой деревне, с поэтичным названием *Casa della Neve* — «Дом Снега».

Брови Луки слегка поднялись — не от мистики, а от того, как ловко хозяин использовал легенду в маркетинговых целях. Он прищурился, рассматривая фотографии. Дом выглядел обычным: каменный фасад, камин, простая мебель.

---

[4] Онлайн-площадка, которая соединяет путешественников с хозяевами, предлагающими краткосрочную аренду во всему миру

Но в каждой фотографии было что-то… не то. Лёгкий туман за окном. Отражение в стекле, будто не совпадающее с интерьером. И старинные часы, стрелки которых стояли на 00:00, словно время в доме остановилось.

Описание было стандартным, почти шаблонным. Почти — если не считать одной фразы:

«Дом, где живёт легенда, и время не спешит. Подходит для тех, кто ищет покой и ответы».

Отзывы были короткими, но цепляющими:

«Проснулся ночью — слышал шаги по снегу. Утром следов не было. И снега тоже». — Andrei, 2020

«Приехал одним человеком. Уехал — другим. Не жалею». — Tomás, 2023

«Тишина здесь — не отсутствие звука. Она будто смотрит на тебя». — Luc, 2023

«Хотела просто отдохнуть. Уехала с ощущением, что прожила другую жизнь». — Elena, 2024

Лука усмехнулся. Хороший маркетинговый ход — играть на воображении гостей.

Он поводил курсором вокруг кнопки «Забронировать», раздумывая. Сердце билось быстрее, чем следовало бы. Он глубоко вдохнул, выбрал даты — с пятницы по понедельник — и нажал кнопку.

Сайт завис на секунду, будто раздумывал. Затем появилось сообщение:

«Добро пожаловать. Мы вас ждали».

Лука застыл. Формулировка была… слишком персональной. Он проверил адрес сайта — всё выглядело официально.

В этот момент в почтовом ящике всплыло уведомление о новом письме, вырывая его из странного оцепенения.

«Buongiorno, signor Moretti[5] .

Мы — команда сайта Umbra Veritas[6] . *В последние дни у нас происходят вещи, которые мы не можем объяснить. Мы не уверены, что это просто технический сбой. Пожалуйста, свяжитесь с нами как можно скорее.»*

Лука не удивился. Найти его было несложно: у него был собственный сайт и открытые контакты для клиентов. Удивляло другое — почему из сотен специалистов они выбрали именно его.

У сайта было то же название, что и у загадочного ресурса, о котором утром рассказывал Марко. Совпадение выглядело слишком своевременным, чтобы пройти мимо него.

«Accidenti!»[7] — выругался он вслух и попросил коротко описать, в чём заключается проблема.

Ответ пришёл немедленно.

«Среди пользователей ходят слухи, что сайт "живёт своей жизнью" — статьи появляются без участия редакторов».

Лука нахмурился. «Живет своей жизнью»? Звучит как

---

[5] Здравствуйте, синьор Моретти (ит.)

[6] «Тень истины» (ит.)

[7] Вот чёрт! (ит.)

бред сумасшедшего, но именно об этом говорил и его друг.

Он быстро набрал:

«Пожалуйста, приведите конкретные примеры».

Пока ждал ответа, Лука откинулся на спинку кресла и помассировал висок. Он всегда опирался на факты, но сейчас внутренний голос настойчиво шептал, что факты — лишь верхушка айсберга.

«1. Статьи появляются без авторов. Материалы публикуются без следов редактирования. Нет логов входа, IP-адресов, имён пользователей. Некоторые статьи исчезают через несколько минут — будто сами себя удаляют.

2. Временные метки нарушены. Публикации появляются с датами из будущего или прошлого — иногда из периода, когда сайт ещё не существовал.

3. Изображения меняются. На загруженных фото появляются новые детали: силуэты, знаки, надписи.

4. Странные подключения. В логах фиксируются запросы из координат, которые не соответствуют земным точкам — в океане, в горах без связи.

5. Сайт реагирует на мысли. Один из редакторов утверждает, что только подумал о теме — и она появилась в черновиках. Будто система считывает намерения, а не действия».

Лука придвинулся ближе к экрану, перечитал письмо ещё раз — медленно, вдумываясь в каждую строчку. Затем сцепил пальцы и уставился в монитор, словно пытаясь увидеть

то, что скрыто за текстом.

— Статьи без авторов, временные сбои, меняющиеся изображения… смесь багов, фальсификаций и коллективной паранойи, — пробормотал он.

Он молча пялился в экран, а потом громко на выдохе проговорил:

— Но если бы это был просто сбой, вы бы не писали мне, синьоры админы.

И начал печатать ответ.

От: Лука Моретти

Кому: Команда Umbra Veritas

Тема: Re: Необъяснимые события

Buongiorno.

Я ознакомился с вашим списком. Некоторые из описанных явлений могут быть следствием нестабильной CMS, ошибочной синхронизации серверов или внешнего вмешательства.

Для предварительной оценки мне потребуются логи, резервные копии и данные о публикациях.

Также — любые следы активности, связанные с неизвестной вам сетью.

Я уезжаю на выходные в Альпы, но буду на связи.

LM

Лука снова набрал номер Марко.

Гудок.

Второй.

Третий.

Тишина.

Он нахмурился и позвонил ещё раз. Те же сухие, тревожные сигналы. Лука открыл зашифрованный мессенджер, где они обычно общались. Последнее сообщение от Марко — вчера утром, за час до встречи.

Он написал:

«Ты где? Это важно. Позвони».

Сообщение не доставлено. Статус — не в сети.

Глава 3

В груди неприятно сжалось. Марко мог исчезнуть на день-два — это было в его стиле. Но не сейчас. Не когда он был так взвинчен предстоящим «разбором сайта».

Лука резко поднялся, схватил сумку и куртку. Вышел на стоянку, сел в машину и завёл двигатель. Он поехал к дому друга, чувствуя, как с каждой минутой растёт тревога, которую он уже не мог списать на паранойю или усталость.

Квартира Марко находилась на третьем этаже старого кирпичного дома. Лука поднялся по лестнице и постучал. Тишина. Он постучал снова — громче. Никакого ответа.

Он достал отмычку, прицепленную к ключам как безобидный брелок. Старый навык, оставшийся со службы в разведке, оказался полезен: через минуту замок щёлкнул, и дверь поддалась.

Внутри было тихо. Квартира выглядела почти нормально — почти. На кухне остывала чашка с недопитым кофе. В спальне — открытый ноутбук с погасшим экраном. На столе — хаос из бумаг, схем, заметок.

Лука подошёл ближе. Один из листов был исписан странными символами. Это был не просто шифр, а скорее, смесь кода и личных пометок. Он знал: Марко часто использовал собственную систему обозначений, чтобы скрывать важную

информацию даже от тех, кто мог взломать его устройства. Лука нахмурился. Марко любил шифры, но это выглядело так, будто кто-то писал в спешке. Или в страхе.

Лука включил ноутбук. И почувствовал облегчение, смешанное с тревогой — пароль остался прежним. Экран ожил, и перед ним появилось окно с зашифрованным архивом: deep_trace_v3.enc.

Он щёлкнул по файлу — система запросила ключ. Это был старый способ Марко. Для важных архивов он всегда использовал аппаратный ключ и никогда не хранил его рядом с файлами.

Лука выругался сквозь зубы. Он стал методично осматривать стол, ящики и полки. Во втором ящике лежала старая флешка с гравировкой в виде лабиринта — личный символ Марко, который тот ставил на проекты, связанные с хакерами.

Лука вставил её в ноутбук скорее наугад, чем из уверенности. Флешка щёлкнула. Система распознала её, архив начал распаковку. По экрану побежали строки кода, затем появились папки:

«Паутина»

«*Работа»*

«Обнуление»

«Лог: Последние 48 часов»

Лука открыл последнюю. Внутри — один аудиофайл, записанный два дня назад.

Он нажал «воспроизвести».

«Если ты это слышишь, значит, меня уже нет в Риме. Или почти нет. Лука, будь осторожен. Это не просто форум. Это ловушка. Я нашёл вход в их систему, но она... она как будто живая. Я не уверен, что это вообще люди. Я оставил тебе всё, что нашёл. Если придётся вскрывать архив, пароль начинается на "Ата..."»

Щелчок. Тишина.

Запись оборвалась резко — будто кто-то выдернул провод. Или будто сам диктофон отказался продолжать записывать.

Лука застыл. По спине, от шеи до копчика, пробежали острые мурашки. Всё оказалось куда серьёзнее, чем он думал. Это уже не странности на сайте. Конечно, Марко мог просто уехать. Мог отключить телефон. Но Лука всё сильнее чувствовал, что дело не в этом.

В груди поднялась тяжёлая волна вины, подкатив к горлу. Он сделал несколько глубоких вдохов, заставляя себя вернуть контроль.

Он оглядел комнату. На стене висела доска, утыканная распечатками, схемами, заметками. В центре — логотип сайта «Тень истины», обведённый жирным красным кругом. Под ним — чёрный треугольник с точкой в центре и подписью: «Обнуление».

Лука взял ноутбук Марко, внешний диск и, не оглядываясь, вышел из квартиры. В коридоре лампа мигнула — один

раз, другой. Лука замер на секунду, но списал это на старую проводку.

Через несколько минут он уже ехал к станции — с неприятным ощущением, что времени у него гораздо меньше, чем он думал.

Три часа в поезде Лука возился с ноутбуком Марко. Файл «Обнуление» упрямо не открывался ни в одном редакторе. Лука пробовал всё — безрезультатно. В конце концов он достал из сумки небольшую плату, утыканную микросхемами: самодельный интерфейс прямого доступа к памяти. Устройство, которое позволяло обходить систему и работать с данными напрямую.

Риск был огромный. Можно было угробить и файл, и ноутбук. Но другого пути не было.

Он подключил плату. Пальцы двигались быстро, уверенно — как будто это делал не он, а память его рук. Экран замерцал, покрываясь хаотичными символами. Лука вводил команды, и стук клавиш заглушал даже ритм колёс под вагоном.

Внезапно экран погас.

Лука задержал дыхание. Проверил плату, осторожно коснувшись микросхем. Всё выглядело исправным. Он снова подал питание.

Экран ожил — но не так, как должен был. На долю секунды на чёрном фоне мелькнуло что-то похожее на символ… или глаз? Лука моргнул — и уже была обычная командная

строка.

Он ввёл несколько команд. И наконец увидел текст. Файл открылся.

Он выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает. Несколько секунд просто смотрел на экран — а потом нервно, почти беззвучно рассмеялся.

Перед ним был набор бессмысленных, хаотичных символов.

— Чёрт… Это ещё и расшифровывать, — пробормотал он. — Надеюсь, здесь есть хоть что-то полезное.

Он решил, что без ристретто мозг дальше не поедет.

Но прежде чем закрыть крышку, Лука заметил, что строка с символами… изменилась. На один знак. Будто кто-то — или что-то — продолжало писать.

Он замер.

Поезд продолжал стучать по рельсам, но внутри него всё стихло.

В Милане Лука перекусил прямо на станции и пересел на поезд до Бардонеккьи. Работу он продолжил сразу — взлом требовал концентрации. Он методично вскрывал защиту, как хирург, препарирующий сложную ткань. Код был запутанным, многослойным, но не походил на вредоносный. И всё же в нём было что-то… неправильное. Словно часть логики находилась за пределами привычных алгоритмов, как будто кто-то писал код не для машины, а для чего-то иного.

Спустя несколько часов он наконец расшифровал фраг-

мент:

«Алхимическая лаборатория памяти.

Никаких оценок — только выбор: избавиться или принять».

И ниже — координаты: 45.1184° N, 6.7432° E.

Поезд замедлился. Бардонеккья.

Лука потер уставшие глаза.

— Ну что, Марко… На Мальдивы мы точно не летим. Придётся копнуть глубже. Хотя я всё ещё думаю, что это фишинг… — он замолчал, глядя на экран, где координаты будто дрогнули, — …с примесью чего-то необъяснимог.

Глава 4

Станция была маленькой, почти игрушечной. Воздух — неподвижным, как в музее. Лука спросил, как добраться до Валомбра. Оказалось, автобус ходит два раза в неделю — и последний ушёл час назад.

— Логистический идиотизм! — вспыхнул он. — Почему нельзя синхронизировать с поездом из Милана?

Кассирша — пожилая женщина с лицом, которое невозможно запомнить, — только улыбнулась и пожала плечами. Улыбка показалась ему странной, но он списал это на обычную провинциальную снисходительность к туристам.

Лука, чертыхаясь, опустился в потёртое кресло и достал телефон, чтобы написать хозяйке дома. В этот момент в зал вошёл мужчина лет пятидесяти. Лицо — цвета старой бумаги, глаза — выцветший индиго, спокойные, но с глубокой усталостью. Волосы «соль с перцем» собраны в хвост, щетина недельной давности. Вид человека, который давно перестал смотреть в зеркало или перестал видеть там что-то важное.

— Вам в Валомбру? — спросил он, будто уже знал ответ.

— Да. Но автобус ушёл, — раздражённо сказал Лука.

— Я еду туда. Могу подвезти.

Лука колебался. Незнакомец выглядел странно, но не

опасно.

— Вы местный? — уточнил он.

— Нет. Работаю на реставрации монастыря. Мауро Альбицци, — мужчина протянул руку.

Лука пожал её. Ладонь была сухой, крепкой, пахла известью и лаком.

Машина оказалась старой, но ухоженной. Дорога петляла между холмами, словно сама не была уверена, куда ведёт. Горы дышали тишиной. Склоны, покрытые лесом, сияли золотом и багрянцем. Лиственницы, буки и тёмные ели создавали живую мозаику, переливающуюся на солнце оттенками меди и рубина. Ветер приносил запах хвои, влажной земли и далёкого снега. Где-то звенел колокольчик — то ли корова на пастбище, то ли эхо, играющее с воображением.

На горизонте поднимались снежные пики — белые, неподвижные, как вечность.

— За ними уже Франция, — сказал Мауро. — А вы тоже в проекте?

Лука нахмурился.

— В каком проекте?

— В реставрации, — уточнил художник. — Глушь тут та ещё, но монастырь уникальный. Архитекторы голову ломают. Планировка какая-то неправильная. Не совсем монастырская. Один профессор вообще заявил, что всё построено по какому-то ритуальному принципу.

— Ритуальному? Жертвоприношения? — хмыкнул Лука.

— Да нет… хотя кто знает, — усмехнулся Мауро. — Я художник. Ничего такого не нашёл. Но там есть фрески с символами, которые никто не может ни датировать, ни расшифровать. И самое странное — когда смотришь на них, кажется, что они смотрят на тебя в ответ.

Наконец серпантин вывел их к Валомбра. Лука вышел на маленькой площади. Мауро поехал дальше.

Площадь была крошечной: несколько лавок, старый фонтан, часовня с потемневшим крестом. Узкие улочки, вымощенные неровным булыжником, петляли между домами с облупленными ставнями. Из труб тянулся дым, слышались приглушённые голоса.

Над деревней возвышался монастырь. Он будто вырастал из леса — сосны и ели почти полностью поглотили его стены.

Лука без труда нашёл дом, который забронировал. Он стоял чуть в стороне от остальных построек, на склоне, откуда открывался прямой вид на монастырь. Каменный, с покатой крышей под потемневшей черепицей, узкими окнами и деревянными ставнями. У входа — старая лавка, отполированная временем.

Внутри пахло сухими травами, пеплом, старым деревом и чем-то вкусным, что томилось на плите. Лука вдруг поймал себя на мысли, что так, наверное, пахнет детство — тёплое, спокойное, давно потерянное.

Хозяйка, синьора Лучия, встретила его как родного: обняла, но при этом продолжала обращаться на «вы». В ней

было что-то основательное, тёплое. Возраст определить было сложно — седина сочеталась с живой энергией, морщинки у глаз не скрывали внимательного, ясного взгляда. Простое плотное платье, фартук с вышивкой лаванды, серебристые волосы в низком пучке, тонкая цепочка с медальоном — всё в ней было одновременно старомодным и удивительно живым.

Говорила она с мягким акцентом — смесью итальянского и французского. В манерах — немного строгости, немного заботы и много доброжелательности, подчеркнутой выразительными жестами.

Комната, выделенная Луке, была простой: кровать с вышитым покрывалом, старинный комод, потемневшее зеркало и окно, выходящее на лес.

Обед оказался таким, каким бывает только в домах, где готовят не по рецепту, а по памяти. Льняная скатерть, керамическая посуда, бокалы для вина. В воздухе — базилик, чеснок, оливковое масло, томаты.

Закуска — прошутто[8], жамбон[9] и местный горный сыр.

Потом синьора Лучия подала густой овощной суп с хлебом, запечённым с сыром. На второе — телятина в белом вине с розмарином. На десерт — грушевый тарт.

После еды Лука поднялся в комнату. Дом был тихим, даже слишком. Он подошёл к окну. Монастырь, выглядывающий

---

[8] Итальянская ветчина

[9] Французская ветчина

из тёмной хвои, казался подвешенным на склоне, как тень, застывшая между небом и землёй.

Лука почувствовал лёгкую тревогу — необъяснимую, но настойчивую. Еда была прекрасной, вино согрело, тишина умиротворяла… но что-то внутри оставалось напряжённым.

И тут тишину прорезал вой. Не собачий — дикий, протяжный.

Лука вздрогнул.

Вой повторился — ближе, громче, будто кто-то рвал воздух на части. Он вслушался. Звук шёл из глубины леса, со стороны монастыря, оттуда, где деревья сливались в сплошную тьму.

Внизу хлопнула дверь.

Лука резко отпрянул от окна. По лестнице поднимались тяжёлые, уверенные шаги. Не торопливые — целенаправленные.

Сердце забилось быстрее.

Шаги остановились у его двери, и раздались три коротких, резких удара.

— Кто там? — стараясь говорить спокойно, спросил он

Тишина.

Снова стук. На этот раз — чуть сильнее.

И вдруг — детский крик в голове, яркий, как вспышка:

«Папа, посмотри! Кто это?!»

Перед глазами вспыхнула белая размытая фигура — будто тень, вырванная из света. Мгновение — и она исчезла.

Лука застыл. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться наружу. Он бросил взгляд на монастырь, тёмный, неподвижный, и прошептал:

— Я здесь, Мими.

Имя само сорвалось с губ. Он не знал, кому именно говорит. Дочери. Памяти о ней. Или самому себе.

Лука устало провёл рукой по лицу. Слишком много воспоминаний. Слишком мало сна за последнее время.

Снизу раздался спокойный голос синьоры Лучии:

— Синьор Моретти, не желаете присоединиться к нам сыграть партию в «Скопу»?

Звук был таким обычным, таким земным, что Лука на секунду усомнился в том, что услышал раньше.

Он спустился по скрипучей лестнице, чувствуя, как напряжение медленно отпускает плечи. Внизу, в тёплой гостиной, за деревянным столом сидели трое пожилых мужчин и хозяйка. На столе — колода карт, граппа, чашки с крепким кофе.

Будто ничего странного не происходило.

Синьора Лучия представила гостей.

Джулио Равелли, историк, был сухощавым мужчиной лет шестидесяти — тонкие черты, внимательный, почти рентгеновский взгляд. Густые седые волосы, лёгкие кудри, тонкая оправа очков, которую он постоянно поправлял, будто проверял, всё ли ещё видит мир правильно.

Падре Этьен Морель — крупный, с белыми бровями и ру-

ками каменщика. Лицо в морщинах, но глаза — добрые, спокойные. Его улыбка была такой тёплой, что Лука почувствовал, как внутри становится чуть легче, будто кто-то на секунду выключил внутренний холод.

Адриано Белланди, бывший сержант карабинеров, был сухим, жилистым, с острым носом и прищуренными глазами — взгляд человека, который привык высматривать опасность даже там, где её нет. На голове — старая форменная кепка, потерявшая цвет, но не характер.

— Это синьор Лука Моретти. Из столицы, — сказала донна Лучия. — Он остановился у нас на несколько дней.

— И что вас привело в эту глушь, которой нет даже на некоторых картах, — спросил Белланди, не мигая.

— После долгих лет в шумной столице решил взять паузу. Я журналист, — соврал Лука. — Собираю легенды. Говорят, здесь связь с прошлым особенно сильная.

— Да, городским иногда нужна тишина, — заметил Джулио, глядя на Луку так, будто видел в нём больше, чем тот говорил.

Лука кивнул, сдержанно улыбнулся и сел. Только положив ладони на стол, он заметил, как дрожат пальцы. Чтобы отвлечься, стал рассматривать стены.

На одной висел плакат:

«Если ты слышишь снег — не бойся. Он говорит с тобой.

Если ты видишь себя — не верь. Это не ты.

Если у тебя вопрос к памяти — иди наверх. Они ждут».

Лука мысленно фыркнул: полная чушь. Но взгляд почему-то задержался на словах «они ждут». Будто кто-то произнёс их шёпотом прямо за спиной.

Он повернулся к хозяйке, благодарно улыбнулся:

— Спасибо, что приютили, донна Лучия. Я даже не надеялся найти место так близко к монастырю.

— Это не приют, молодой человек. Это место, где память приходит на исповедь, — сказала синьора Лучия тихо, почти шёпотом, и налила ему кофе.

Аромат был густым, тёплым, обволакивающим. Лука сделал глоток — и почувствовал, как напряжение медленно растворяется. Он прикрыл глаза, пытаясь удержать это редкое ощущение покоя.

— Журналист, значит, — нарушил тишину сержант Белланди. — Профессия интересная. Много, наверное, повидали.

Лука лишь кивнул, не желая углубляться, и спросил о легенде Дома Снега.

Джулио Равелли вздохнул, как человек, который много раз пытался объяснить необъяснимое:

— Сейчас уже никто не скажет, где заканчивается легенда и начинается правда. Но одно известно точно: история дома тесно связана с монастырём.

Он сделал паузу. Такую, после которой обычно говорят что-то важное.

Или опасное.

— Вам обязательно нужно подняться туда, сын мой, — перебил его падре Морель. Голос мягкий, но в нём звучала странная, почти тревожная настойчивость.

Лука снова кивнул и стал рассматривать стариков внимательнее. Они казались людьми из другого времени — и дело было не в одежде, не в морщинах. В их взглядах было что-то тяжёлое, глубокое: усталость, знание, мудрость… и ещё что-то, чему Лука не находил названия.

Что-то, что не бывает у людей, живущих обычной жизнью.

Он вдруг почувствовал себя мальчишкой рядом с ними, хотя за плечами у него были двадцать лет службы в разведке. Их спокойствие было почти нереальным — как у тех, кто пережил слишком многое и научился жить с этим, не говоря ни слова.

Историк продолжил:

— Дом построили монахи в самый холодный год XV века. Тогда снег не таял даже летом. Камни для него брали из глубокой крипты монастыря, а перед укладкой окропляли водой, собранной с тающего льда, под которым, по преданию, спали забытые души. Дом не предназначался для жизни. Только для ожидания. Там селились те, кто не смог вернуться к миру. Их называли белыми странниками — людьми без прошлого и без имени.

Лука перевёл взгляд на хозяйку. В его глазах был вопрос, который он не решился озвучить.

— Что вы так на меня смотрите, Лука? — улыбнулась си-

ньора Лучия. — Можно я буду звать вас по имени? Я сама здесь не живу. Прихожу только, когда кто-то хочет остановиться в доме. Это… отель для тех, кто ищет тишину.

— А ещё, — добавил падре Морель, — когда начинается метель, Дом Снега исчезает. Его не видно вовсе. Его видят только те, кто несёт в себе… вину.

Лука вздрогнул. Падре перекрестился.

— Вы ведь не просто так сюда приехали, синьор Моретти? — тихо спросил сержант Белланди. — Дом не зовёт случайных.

Лука откашлялся, пытаясь скрыть замешательство и, подумав, что это суеверная ерунда, всё же сказал:

— Вину? Что за… — Но взгляд падре — тёплый, сочувствующий, слишком понимающий — заставил его замолчать. Он выдавил: — Я просто искал уединения. Хотел отдохнуть от города.

Сержант прищурился, будто пытаясь прочитать его мысли. Тишина стала плотной, почти осязаемой.

— Уединение… — протянул он. — У каждого свои способы убежать от проблем.

По позвоночнику Луки прошла холодная волна. Он не знал, что ответить. Казалось, эти люди видят в нём то, что он сам от себя скрывал.

Может, Дом Снега действительно выбирает тех, кто несёт в себе что-то тяжёлое.

— Это место не просто отражает вину, — сказал падре

Морель, глядя в огонь. — Оно напоминает о том, что было забыто. Или о том, что должно быть отпущено.

— А если не отпустить? — спросил Лука, сам не понимая, зачем.

— Тогда можно стать белым странником, — тихо закончил историк.

— Ой, не слушайте их, Лука! — рассмеялась синьора Лучия. — Эта троица любит рассказывать страшилки. Они тут как… интерьер. Для атмосферы.

Но её лёгкость только подчеркнула мрачность сказанного. Лука почувствовал, будто земля под ногами чуть сместилась. Слова стариков задели что-то глубоко внутри — словно его уже выбрали.

Он извинился, сославшись на усталость, и поднялся.

— Только не ходите к монастырю в это время, — посоветовал сержант.

— Почему? Есть шанс встретить белых странников? — попытался пошутить Лука, скрывая неприятный осадок.

— Нет, — пожал плечами Белланди. — Просто сумерки. А до монастыря ведёт узкая тропа среди хвойного леса и обрывов. В темноте там легко сорваться, если не знаешь дорогу.

Лука вышел на улицу.

Солнце уже опускалось за горы, окрашивая небо в густые багровые оттенки. Холод пробирал сквозь куртку. Вокруг стояла почти нереальная тишина — плотная, как в вакууме.

Лишь редкое карканье ворон нарушало её, круживших над тёмной кромкой леса.

Он остановился, глядя на монастырь. Тот висел на склоне, как тень, застывшая между небом и землёй.

Решение пришло внезапно, как импульс.

«К чёрту суеверия. К чёрту предупреждения».

Лука направился к монастырю, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Словно кто-то — или что-то — ждало его там. Он должен был успеть до полной темноты.

Тропа оказалась шире, чем описывал сержант, но петляла между елями и соснами, словно проверяя его решимость. Под ногами хрустели ветки и сухая хвоя. Чем выше он поднимался, тем внушительнее становился монастырь. Грубые каменные стены, узкие окна-бойницы — всё в нём дышало древностью и силой.

У массивной деревянной двери Лука остановился. Положил ладонь на холодный камень рядом с входом и глубоко вдохнул горный воздух — смола, влажная земля, сырость вечера. На мгновение ему показалось, что он слышит шёпот — неясный, многоголосый. То ли молитвы, то ли забытые ритуалы, то ли обычные голоса монахов, застывшие в камне.

Лука резко отдёрнул руку.

Он прекрасно понимал, что человеческий мозг умеет дорисовывать то, чего на самом деле нет. Он всегда презирал эзотерику, считая её уделом легковерных мечтателей. Поэтому собственная реакция раздражала его больше всего. Он

не мог объяснить, что именно почувствовал, а это случалось редко.

Лука криво усмехнулся и стал спускаться в деревню.

В комнате Дома Снега что-то было иначе. Воздух — свежее. Свет — мягче, будто от свечей, а не от лампы. Зеркало — покрыто тонким инеем, как будто в помещении внезапно похолодало.

Лука достал телефон и снова позвонил Марко.

«Абонент вне зоны доступа».

Он выругался, бросил взгляд на зеркало и… замер. В ту же секунду воздух в комнате стал плотнее, как перед грозой. Будто кто-то вошёл — но дверь не открывалась.

В отражении будто кто-то стоял.

Маленькая фигура.

Лука резко обернулся. У окна никого не было. Когда он снова посмотрел в зеркало, ему показалось, что там мелькнул знакомый силуэт.

Глава 5

Страха не было. Страх остался там — в Сиене, когда раздался взрыв, и позже, когда он висел вниз головой в покорёженной машине, сорвавшейся с горы. Сейчас страха не было. Но под рёбрами поднялось другое — душевное смятение, настолько сильное, что паника, ужас и вина рядом с ним казались бледными.

Лука резко подошёл к сумке, вытащил бутылку виски, открыл и сделал большой глоток прямо из горлышка. Горячая жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. Он бросил взгляд на зеркало.

Силуэта не было.

Иней исчезал, тая на глазах.

Он снова посмотрел в отражение — только он сам: бледный, взволнованный, измученный. Он понимал, что события последних суток давят на сознание, что усталость и стресс могут рисовать любые фантомы. Но образ Мими был слишком чётким, слишком реальным, чтобы списать его на игру воображения.

Он подошёл к окну — там только тьма. Глухая, плотная, как бархат.

Усталость накрыла его волной. Ему нужно было хотя бы немного сна. Лука рухнул на кровать, не раздеваясь, и за-

крыл глаза. Но образ Мими, стоящей у окна, не уходил. Он пытался думать о другом — о Марко, о странном сайте, о координатах — но воспоминания были как занозы, острые и болезненные.

И чем сильнее он пытался от них отмахнуться, тем глубже они входили…

…Свет был мягким, золотистым. Позднее солнце скользило по серпантину, вдоль которого цвели осенние цветы. Лука вёл свою любимую Lancia цвета выжженной лавы. Бывшая жена Лиза спала на пассажирском сиденье, голова чуть наклонена к окну. Сзади, в детском кресле, Мими тихо напевала песенку. Радио играло старую балладу. Ветер шумел в приоткрытой форточке. Всё было спокойно.

И вдруг — вспышка перед машиной.

— Папа! Посмотри, кто это?! — успела сказать Мими.

Белый отблеск. Или тень. Или свет, отражённый от чего-то невидимого.

Он дёрнул руль. Гравий взвизгнул под колёсами.

Машину занесло.

Правое колесо сорвалось с обочины.

Секунды растянулись, как густой сироп.

— Лука! — крик Лизы разлетелся, как разбитое стекло.

Падение… Скрежет металла… Обрыв… Хруст…

И тишина.

Он очнулся в больнице. Сначала — только звуки: тормо-

за, крики, голоса. Потом — образы: искорёженная Lancia, могила Лизы и Мими. И он — живой. С пустотой внутри, которая не зарастала.

Усталость наконец взяла своё, и Лука провалился в беспокойный сон. Ему снились обрывки прошлого: обвинения матери, лица товарищей по разведгруппе, погибших по его ошибке, и Мими — стоящая перед ним, молча, с укором в глазах.

Он проснулся с тяжестью в груди и нежеланием двигаться. Лежал, не мигая, будто всё ещё находился там — среди потерь, среди голосов, среди вины. Сон не дал покоя, только усилил внутреннюю бурю. Он чувствовал себя разбитым, как будто ночь прошла не в отдыхе, а в борьбе, оставившей новые шрамы.

Прошлое тянуло его назад, не давая вдохнуть полной грудью. Каждый новый день был попыткой жить с тем, что уже не изменить.

Он провёл рукой по лицу, чувствуя щетину и горечь во рту — вкус алкоголя, но для него это был вкус вины. Наконец, Лука поднялся и подошёл к окну.

У подножия горы, у монастыря, останавливались машины. Люди выходили, расправляли плечи, улыбались друг другу и начинали подъём по тропе. Их лица были светлыми, спокойными, будто они пришли за чем-то важным.

Лука смотрел на них и чувствовал себя чужим. Как будто

его душа застряла в месте, где свет не пробивается сквозь тьму. Он знал, что должен перестать копаться в прошлом. Но как это сделать, когда прошлое держит за горло? Когда каждый шаг вперёд кажется предательством тех, кто остался позади?

Он отвернулся и пошёл в ванную. Умылся холодной водой, пытаясь смыть остатки сна. Посмотрел в зеркало.

Измученное лицо. Морщины у глаз. Боль, отчаяние, пустота.

Он искал в себе хоть искру надежды. Хоть намёк на то, что впереди может быть что-то большее, чем просто выживание.

Но зеркало молчало.

Спустившись в столовую, Лука увидел завтрак в стиле «буфет» — смесь французской и итальянской традиций, где всё дышало простотой, сезонностью и домашним уютом. Деревенский хлеб, круассаны, фокачча, сыры *Beaufort* и *Fontina*, домашняя ветчина, колбаса, масло, мёд, варенье, фрукты, орехи — и, конечно, эспрессо.

Он отломил кусок хлеба с хрустящей корочкой, намазал мягкий сыр, пахнущий горными травами, и почувствовал, как тело согревается изнутри. Кофе окончательно прогнал остатки ночной хандры.

После завтрака Лука снова позвонил Марко.

Телефон был мёртв.

Выругавшись, он решил подняться в монастырь.

Утро было прохладным, но солнечные лучи пробивались

сквозь тонкий туман, стелющийся по склонам, обещая ясный день. Поднявшись, Лука остановился перед монастырём. Даже под утренним солнцем каменная кладка выглядела мрачной и неприветливой. Серый известняк, потемневший от веков дождей, мох у основания стен, плющ, обвивающий фасад, тёмная черепица, местами заросшая травой.

Во дворе никого не было. Но массивная дверь, закрытая вчера, была распахнута. Изнутри доносились голоса и стук молотков.

Внутри пахло сыростью. Фрески на стенах осыпались, но кое-где ещё угадывались сцены из жизни Святой Марии. Лука медленно шёл по центральному нефу. Его взгляд зацепился за изображение святого с книгой. Лицо показалось знакомым. Он подошёл ближе — и усмехнулся. Художник явно писал с натуры. Лицо святого подозрительно напоминало Джулио Равелли, историка, с которым он вчера играл в карты.

В основном крыле шли реставрационные работы. Пыль танцевала в лучах света, пробивавшихся сквозь высокие арочные окна. Звуки инструментов глухо отдавались в камне. Лука прошёл дальше и остановился у массивной двери, покрытой странными символами — скорее шифром, чем орнаментом.

— Это не просто орнамент. Это — ключ, — раздался за спиной хрипловатый, но мелодичный голос.

Лука обернулся.

Перед ним стояла молодая женщина в рабочем комбинезоне. Руки в побелке, на лице — лёгкая, насмешливая улыбка. Она смотрела на него так, будто пыталась разгадать не только дверь, но и его самого. В её взгляде было что-то внимательное и настойчивое.

— А вы на чём специализируетесь? — спросила она, вытирая руки тряпкой.

Лука замер.

— Что вы имеете в виду?

— Я — специалист по криптографическим кодам, — пояснила она. — А вы? Вас зачем сюда позвали?

Он на мгновение задумался, а потом пожал плечами.

— А-а… Я просто странник.

Она прищурилась, словно не совсем поверила.

— Странник, значит? Ладно. Я — Ромина. Ромина Челлини. Историк-реставратор, специалист по древним языкам. Если что-то заинтересует — спрашивайте. В интернете почти ничего нет об этом месте, а монастырю, между прочим, почти восемь веков. За это время тут многое успело случиться.

Лука кивнул, слегка улыбаясь.

— А моё имя — Лука Моретти. Я… — он на мгновение замялся, будто выбирая, что именно сказать, какую версию себя предъявить миру, а затем, с лёгкой улыбкой, уверенно закончил: — Я — Errante[10]. Сбежал в эту глушь от шума и

[10] Странник (ит.)

нескончаемого потока информации большого города.

Ромина искренне рассмеялась.

— Хорошее место для побега. Здесь даже мобильная связь временами исчезает, как по волшебству.

— Восемь веков… — повторил Лука, глядя на дверь. — Интересно, что она охраняет.

Ромина подошла ближе, провела пальцем по символам.

— Каждая линия — голос прошлого. Мы пытаемся его услышать. — Она отступила на шаг и посмотрела на мужчину с загадочной улыбкой. — Может быть, вам, как страннику, удастся увидеть то, что скрыто от глаз специалиста.

Лука снова посмотрел на дверь. И чем дольше он смотрел на символы, тем чаще ему чудились в них человеческие силуэты. На мгновение у него потемнело в глазах, и возникла туманная сцена: монах в капюшоне стоит у этой же двери, но в другом времени. За его спиной — свет, и тени, извивающиеся, будто живые. Рядом — девушка в шерстяной тунике, с толстой светлой косой, выглядывающей из-под чепца.

Девушка смотрела прямо на Луку. И в голове, как удар колокола, прозвучал голос:

«Папа, посмотри! Кто это?»

Лука вздрогнул. Сердце сжалось. Этот голос он узнал бы среди тысячи. Секунда… и он моргнул — видение исчезло. Перед ним снова была только дверь, покрытая резьбой. Внутри всё перевернулось, будто сердце на секунду перестало биться.

Он неловко попрощался с Роминой и почти бегом направился к выходу. Воздух в коридоре казался ледяным, а стены будто медленно сходились, сжимая пространство вокруг него.

И вдруг — мысль, холодная, как ледяная вода:

Тогда, на серпантине, он тоже увидел фигуру. Белую. Нечёткую. Сотканную из тумана. Он дёрнул руль, чтобы не сбить… и всё погасло.

Он убеждал себя, что это был свет фар, игра теней, усталость. Но сейчас, стоя у древней двери, он снова увидел ту же фигуру — девушку в тунике, со светлой косой. Это было слишком похоже и реально.

Это был полный мистический абсурд.

Он почти дошёл до выхода, но ноги остановились сами. Что-то удержало его от ухода. И это было не любопытство. Скорее раздражение. Он терпеть не мог загадки, на которые не находил ответа.

«Что я, струсил? Первый раз, что ли, вспоминаю катастрофу? Какого чёрта я вообще об этом думаю?»

Он развернулся и пошёл в другое крыло монастыря — не к выходу, а от него. Не к бегству, а к тому, что ждало его внутри.

Коридор был всё тем же — длинным, каменным, прохладным, — но уже не казался ледяным и давящим. Стены дышали древностью и чем-то живым. Лука не знал, куда идёт, но чувствовал, что должен — будто невидимые нити тянули

его вперёд.

Коридор вывел его в маленький дворик, упирающийся в скалу. Рядом журчал родник, рождённый где-то высоко в горах. Здесь царила тишина — настоящая, глубокая, нарушаемая только плеском воды.

Лука сел на каменную скамью. Напряжение медленно отпускало. Он закрыл глаза.

С закрытыми глазами он почувствовал, как его дыхание сливается с ритмом родника. И вдруг — свет. Мягкий, золотистый, как утреннее солнце. Он стоял на вершине горы. Вокруг — бескрайние леса, переливающиеся оттенками зелени. Внизу — долина, где река извивалась серебряной нитью. Ветер приносил запах сосны, лаванды и чего-то родного.

Перед ним появилась детская фигура в белом. Лицо — доброе, спокойное. Лицо Мими. И Лука почувствовал то спокойствие, которого не испытывал много лет.

Видение растворилось, оставив лёгкость и тихую радость. Лука открыл глаза. Родник всё так же журчал — но теперь его звук был похож на песню. Он умылся ледяной водой и, окрылённый, вернулся в Дом Снега.

Синьора Лучия, едва взглянув на него, сказала:

— Воздух нашей деревни вам на пользу, Лука. Будто ожили.

Он улыбнулся — искренне и легко.

— Я сам это чувствую. Будто что-то внутри просыпается.

За окном медленно кружились первые снежинки. Лука

провёл рукой по деревянной спинке кресла, ощущая тепло дома, запах трав, потрескивание камина.

— Этот родник... Странное место… — начал он, но не нашёл слов.

Синьора Лучия лишь кивнула.

— Родник многим нравится. Люди часто возвращаются оттуда задумчивыми.

После обеда Лука сел за ноутбук и открыл сайт «Тень истины».

umbra-veritas.org загружался медленно, будто сопротивлялся. На чёрном фоне проступила надпись золотыми буквами:

«Истина существует не в свете — а в его тени».

Лука закатил глаза. Цифровой оккультизм. HTML[11]-магия для впечатлительных.

Страница была хаотичной: фрагменты изображений, странные статьи, эзотерический мусор. Но что-то было не так. На первый взгляд — обычная атака. Но сигнатура трафика выглядела странно.

Он запустил анализ пакетов.

— Кто вообще пишет сайты без CSS[12]… — пробормотал он.

Один из запросов содержал файл «*monte_maledictum*»[13].

---

[11] Стандартизированный язык для создания веб-страниц

[12] Язык стилей, используемый для описания внешнего вида веб-страниц

[13] “Проклятая гора"(лат.)

Он не открывался. Вместо ошибки — изображение: золочёный треугольник с искривлёнными углами и точкой в центре.

Лука нахмурился. Такой же символ он видел в квартире Марко.

Он кликнул. Экран погас.

Потом вспышка и сообщение:

«Память — это боль. Monte_maledictum».

Символы побежали по экрану — незнакомый алфавит, повторяющиеся последовательности. Будто кто-то писал на забытом языке. И вдруг Лука почувствовал… взгляд. Как будто кто-то смотрит на него сквозь экран. Он отмахнулся от мысли — и продолжил анализ.

Появилась новая статья:

«Ничто не существует без боли. Случай на серпантине».

Лука застыл.

Это была его история, случившиеся два года назад. Обрыв. Машина. Лиза. Мими. Её последние слова: *«Папа, посмотри! Кто это?»* И его собственная мысль в госпитале: «Почему внизу был свет, а небо — тьмой?» Он никогда никому этого не говорил.

Статья была опубликована три дня назад. Холод медленно поднимался по позвоночнику. Он открыл исходный код. Внизу — скрытый комментарий:

<! -- Он уже тут. -->

Лука почувствовал неприятный холод под рёбрами. Он

скопировал e-mail автора: *athanasius.umbra@veritas.org*

Написал:

«Я прочитал вашу публикацию. Некоторые описания совпадают с моими личными переживаниями. Кто вы? Как вы узнали?»

Нажал «Отправить».

Форма исчезла. На её месте — фраза: «Путь начинается не с вопроса. А с памяти».

Сообщения в исходящих не было. История — пустая. Сервер — молчал.

Лука вернулся на главную. Она изменилась. В центре пульсировал треугольник.

В такт его дыханию.

В такт его сердцу.

Лука отпрянул. Это было не визуальное совпадение. Это было… синхронизацией.

Он попытался закрыть страницу. Курсор не двигался. Клавиши — молчали. Экран стал чёрным… Потом — белым… И появилась фраза: *«Помнить или забыть»*.

— Это не алгоритм… — прошептал Лука.

Паника поднялась внутри. Не от текста — от ощущения, что сайт знает его. Не имя. Не профессию. А то, что он прячет глубже всего.

Он вскочил, распахнул окно, вдохнул холодный воздух. Потом снова вернулся к столу. Запустил изолированную виртуальную систему. Попытался перехватить трафик.

Пусто.

Сайт не отвечал ни на один запрос. Будто был вне сети. Но продолжал работать.

— Так не бывает… — выдохнул он.

Он позвонил Марко.

Телефон молчал.

Глава 6

Несмотря на эмоциональный день, Лука — впервые за многие годы — спал спокойно, глубоко, почти как ребёнок.

Утром, перед завтраком, он позвонил администратору сайта «Тень истины». На том конце провода ответил приятный женский голос.

— Это Лука Моретти. Я работаю с вашей системой безопасности, — представился он.

— Я Моника. Значит, вы уже открыли статью «*Monte_maledictum*»? — без приветствия, сразу с места в карьер, спросил администратор.

— Да. Именно об этом я и хотел поговорить.

— Всё дело в том, что статья… — она замялась, подбирая слова. — Она разная для каждого, кто её открывает.

— Что вы имеете в виду?

— Её нашла одна из модераторов, Орнелла. Мы думали, это просто мифологический текст из архива. Опубликовали. А потом началось странное. Сначала сбои в логах. Потом — в жизни. Все, кто открывал статью, видели разные тексты. У каждого — что-то из его прошлого. То, что он хотел бы забыть.

— Вы пытались удалить её?

— Да. Но она возвращается. Каждый раз с новой датой.

Как будто кто-то переписывает историю.

Лука почувствовал, как внутри что-то холодеет.

— Моника, кто такой «*Athanasius*»?

— Это не пользователь. Это… сигнатура. Мы сталкивались с ней в 2013 году, когда сайт впервые вышел за пределы обычного трафика. Потом она исчезла. Но перед этим пропал один из основателей.

— Значит, нужно найти исходный файл, — сказал Лука. — Поищите в физических архивах. Я проверю систему. Если что-то найдёте — сразу сообщите.

Он отключился и подошёл к окну.

За стеклом кружились снежинки — лёгкие, медленные, словно перья ангелов. Но, касаясь земли, они таяли. Монастырь, который вчера стоял чётко, теперь выглядел призрачным, будто растворялся в белой дымке. Лука поймал себя на мысли, что хочет подняться туда ещё раз. Умыться ледяной водой родника. И что удивляло его самого — увидеть Ромину.

В ней не было броской красоты. Но была редкая внутренняя собранность. Она казалась человеком, которому комфортно оставаться наедине с собой.

Лука немного нахмурился. Это ощущение было знакомым. Когда-то давно похожее чувство возникло у него при взгляде на другую женщину, чьё молчание было сильнее слов. Воспоминание вспыхнуло, как старый слайд в проекторе…

… Маленькое римское кафе. Весенний вечер. Она сидела у окна — в пиджаке цвета мокрого асфальта, с книгой, которую не читала. Лука вошёл, спасаясь от дождя, и увидел её. Среди всех посетителей его взгляд зацепился именно за неё — за неподвижность, за тишину вокруг неё.

Он заказал кофе и сел неподалёку, стараясь не смотреть. Но её присутствие было как невидимая сеть — мягкая, но неотвратимая. Он пытался понять, что скрывается за её спокойствием. Но чем дольше смотрел, тем яснее становилось: дело не в красоте. Его притягивала сама её тишина.

Он не подошёл. Просто наблюдал. А когда дождь стих, вышел на улицу, чувствуя себя странно… иначе. Он вспоминал её часто. Но больше не встречал в Риме.

А потом — Генуя. Начало осени. Воздух пах морем и сухими листьями. Туристы исчезли, оставив город самому себе. Лука работал над оцифровкой старых полицейских архивов — писем, фотографий, рисунков. Часто сидел в библиотеке монастыря Санта-Клара.

И однажды утром увидел её снова — стоящую у витража. В руках — блокнот. В глазах — то же самое, что в тот вечер в кафе.

Он подошёл, не зная зачем. Спросил, нужна ли помощь. Она повернулась, посмотрела — и не ответила. Просто посмотрела. И этого оказалось достаточно. Позже он скажет ей, что влюбился не в неё.

А в её молчание…

… Лука ещё какое-то время стоял у окна, будто надеясь, что монастырь снова проступит сквозь снежную пелену. Но белая дымка только сгущалась, превращая горы в расплывчатый мираж. И всё же он чувствовал: там, за этой завесой, его ждёт что-то важное.

Он провёл пальцами по холодному стеклу, оставив на нём едва заметный след. Внутренний зов становился всё настойчивее, и где-то глубоко внутри вспыхнул маленький огонёк надежды — слабый, но упрямо живой.

Лука накинул тёплый шарф, застегнул куртку и вышел из дома. Снег падал медленно, почти лениво, будто время вокруг замедлилось.

Он направился в крыло монастыря, где ещё не был. Вскоре оказался в огромном зале. Воздух был густым от известковой пыли, и один из реставраторов, проходя мимо, посоветовал ему надеть маску.

Зал явно был важной частью обители. Несмотря на возраст и разрушения, он всё ещё сохранял величие. Свет пробивался через узкие арочные окна со старинным стеклом и ложился на стены мягкими, рассеянными пятнами. Высокие своды уходили в полумрак, а потускневшие фрески на потолке выглядели так, будто вот-вот оживут.

Некоторые участки росписи уже восстановили — яркие краски вновь раскрывали сцены из жизни святых, символы

звёзд и стихий. Остальные фрагменты были покрыты трещинами и пылью, словно ждали своего часа. На полу лежала частично разобранная мозаика; аккуратно сложенные камешки хранились в деревянных ящиках рядом с инструментами реставраторов — кистями, лупами, лампами, баночками с растворами.

В дальнем конце зала стоял длинный стол, заваленный чертежами и схемами. Рядом Лука заметил Ромину.

В рабочей робе, покрытой мелкой штукатурной крошкой, она почти сливалась со стеной, которую реставрировала. Волосы были небрежно собраны, на щеке — след от пыли. Она была полностью поглощена работой: изучала небольшой фрагмент фрески, подсвечивая его портативной лампой. В руке — тонкая кисть, которой она наносила едва заметные штрихи.

Лука остановился, не желая нарушать тишину. Он смотрел, как она работает — сосредоточенно, точно, почти грациозно. В её движениях чувствовалось не просто мастерство, а уважение к древнему искусству, трепет перед каждой деталью. Казалось, она не просто восстанавливает фреску — она разговаривает с ней, пытаясь услышать историю мастера, жившего столетия назад.

Ромина, будто почувствовав его взгляд, медленно повернулась. На её лице появилась лёгкая, тёплая улыбка.

— А! *Errante*! Вы как раз вовремя. Будете первым, кто это увидит, — сказала она и указала на очищенный участок

стены.

Лука подошёл ближе. Перед ним был геометрический узор, похожий на лабиринт, выложенный из крошечных плиток, идеально подогнанных друг к другу. Он провёл пальцем по холодной поверхности — и почувствовал едва заметную вибрацию. Рационального объяснения этому не было.

Узор будто дышал. Будто жил своей собственной, скрытой жизнью.

— Вы тоже это чувствуете? — слишком серьёзно спросила Ромина. — Или это уже моё профессиональное помешательство?

Лука не ответил. Его взгляд зацепился за крошечное углубление в одном из поворотов лабиринта. Настолько маленькое, что его легко было пропустить.

— Дайте нож и лупу, — сказал он, не глядя на неё, просто протянув руку.

Ромина молча подала тонкий инструмент с изогнутым лезвием и аккуратно надела на него бинокулярную лупу с подсветкой. Свет мягко лег на поверхность мозаики. Лука, задержав дыхание, начал осторожно очищать углубление от вековой пыли.

Когда последний кусочек грязи исчез, он увидел внутри крошечный, идеально круглый камень.

Он аккуратно извлёк его.

И в ту же секунду по лабиринту пробежала волна слабого свечения — будто кто-то провёл по стене невидимой ки-

стью света. Лука и Ромина замерли. Через мгновение свечение исчезло, словно его и не было.

Ромина отступила на шаг, прижав ладонь к груди.

— Что это было?

Лука стоял неподвижно, держа камень на ладони. Рациональная часть сознания подсказывала, что всему найдётся объяснение. Но опыт говорил другое. В его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Не паника. Не тревога. А инстинкт, память тела, знающего, что такое взрыв. И в голове вспыхнули десятки случаев, когда безобидная на вид деталь оказывалась спусковым механизмом.

— Похоже на механизм, — произнёс он медленно. — Но вопрос не в том, что это. Вопрос — что он активировал.

Он резко схватил Ромину за руку.

— Быстро. Уходим.

Они побежали по коридорам монастыря — мимо фресок, мимо арок, под гулкое эхо собственных шагов. Лука не оглядывался. Ромина едва поспевала, сердце колотилось, дыхание сбивалось.

На улице, под тяжёлым серым небом, они остановились. Ромина вырвала руку и, задыхаясь, посмотрела на него с возмущением и растерянностью.

— Какого чёрта, синьор Странник? Что вы так испугались?

Лука молча посмотрел на монастырь и наконец тихо произнёс, поворачивая голову к Ромине:

— Извините. Это… личная фобия. Угроза взрыва.

Молодая женщина нахмурилась.

— Взрыва? Вы серьёзно? Вы думаете, мы активировали… что? Бомбу?

Лука медленно повернулся к ней. Его взгляд был тяжёлым, сосредоточенным — взгляд человека, который слишком хорошо знает, что такое детонация, таймеры, ловушки и механизмы, спрятанные в стенах.

Он произнёс почти шёпотом:

— Я надеюсь… мы не активировали нечто гораздо хуже. Я не знаю. Но я видел подобные конструкции. Иногда это просто символы. А иногда — ловушки.

Он сделал паузу, глядя Ромине прямо в глаза.

— И если это действительно механизм… мы понятия не имеем, что он запускает.

Ромина сглотнула. В голове закрутились десятки мыслей: древние технологии, скрытые системы, ритуалы, которые современный человек даже представить не может.

— Надо сообщить начальству, — тихо сказала она. — Пусть пришлют специалистов.

Лука кивнул.

— И пусть действуют осторожно. Очень осторожно.

По спине Ромины пробежал холодок. Одно дело — расшифровывать старинные надписи и копаться в руинах. Совсем другое — столкнуться с угрозой, спрятанной в этих стенах, угрозой, о которой никто даже не подозревал.

Если, конечно, этот странник Лука Моретти не ошибается…

Но то, что произошло, было слишком необычным, чтобы игнорировать. Она достала телефон и позвонила руководителю проекта. Лука слушал, ловя каждое слово. В её голосе звучала та же тревога, что и в нём самом. Закончив разговор, Ромина повернулась к нему.

— Они высылают сапёров. И усиливают охрану. До их приезда никто не должен входить или выходить из монастыря.

Она сделала ещё один звонок и говорила уже по-французски. Лука понял по обрывкам, что она просит всех, кто остался внутри, не покидать здание.

— Мои вещи… — Ромина поморщилась. — Сумка осталась в зале. Там ключи от машины и от дома.

Она бросила взгляд на монастырь, будто надеясь, что тот сам вернёт ей забытое.

Лука мягко улыбнулся.

— Пойдёмте в Дом Снега. Хозяйка готовит лучше любого ресторана, а кофе у неё — как в лучшей кофейне Рима. Отдохнёте, а потом вернёмся за сумкой, когда всё проверят.

Ромина передёрнулась от холода, фыркнула, но кивнула.

— Надеюсь, у вас там не слишком пафосно. Я в грязных ботинках и с пульсом под двести.

Лука снял куртку и накинул ей на плечи. Они шли молча до самого подножья.

На крыльце их встретила синьора Лучия — оживлённая и улыбчивая, словно уже знала о случившемся.

— В монастыре ЧП, синьора Лучия, — начал Лука. — У синьорины Челлини вещи остались внутри. Она примет душ и побудет здесь. И… два кофе, пожалуйста. И ваши пирожки с сыром.

После душа Ромина спустилась в гостиную в его рубашке. Она села у окна — всё ещё напряжённая, но уже с интересом рассматривая дом и украдкой наблюдая за Лукой.

— Расскажите мне о монастыре, — попросил он, когда им подали кофе. — Всё, что знаете. Даже легенды.

Ромина обхватила чашку ладонями и вздохнула.

— Монастырь, скорее всего, основан в XII–XIII веках бенедиктинцами или цистерцианцами. Уединение в лесу — классика созерцательной традиции. А легенд там… больше, чем камней.

Она сделала глоток, и лицо её немного расслабилось.

— Учёные называют его «Монастырём Тишины». Не потому, что там тихо. А потому, что он… не отвечает. Сколько ни пытались его изучать — он будто закрыт. Архитектура, надписи, структура — всё ускользает. Мы знаем только обрывки. Слухи. Местные сказания. Ненаучно, конечно.

Лука слушал молча.

— По легенде, монастырь построили не просто для молитвы. А как хранилище знания, которое нельзя передать словами. Некоторые верят, что если провести там ночь, проснёшь-

ся другим.

— Хорошо, если ты знаешь, кем был, чтобы понять, стал ли другим, — заметил Лука.

— Ну… сюда приходили те, у кого были проблемы, — тихо ответила она.

Ромина задумалась, глядя в чашку.

— Есть одна легенда, — сказала она почти шёпотом. — Один из братьев нашёл «магический камень». Вынул его из стены — и монастырь исчез. Не буквально. Но люди перестали его видеть. Приходили — и не находили входа. Только через столетие он снова «появился».

Они оба посмотрели в окно. Монастырь был на месте.

— Вы хотите сказать, что мы могли… активировать что-то подобное? — спросил Лука.

— Я не знаю, — ответила она. — Но если легенда хоть немного правдива, мы не просто нашли артефакт. Мы вступили в диалог с чем-то древним. И, возможно, оно теперь ждёт ответа.

— «Ждёт ответа» … — Лука почесал подбородок. — Что это значит? Требует жертву? Просит помощи? Пытается нас уничтожить? Вариантов масса.

Ромина покачала головой.

— Думаю, речь не о жертве. А о понимании. О разгадке. Мы должны понять, что это за место. Его цель. Его смысл. И тогда поймём, чего оно хочет от нас. Нужно изучить всё: книги, надписи, детали. Ответ может быть где угодно.

Лука усмехнулся.

— Ну, ваша команда этим и занимается. Рано или поздно что-то найдёте.

Ромина посмотрела на него так, словно он её предал — будто ждала, что он предложит помощь, а он отступил.

— Каждый занимается своим делом, — сказала она, скрывая разочарование. — Не думаю, что реставраторы икон будут копаться в этом.

— Историки? — предположил Лука.

— Из историков здесь только я, — грустно усмехнулась она.

— Значит, без работы не останетесь. Тут материала хватит и на магистра, и на доктора.

— Я уже магистр, — буркнула она, надув губы почти по-детски. Но в голосе звучала тревога. — А если легенда права… времени у меня может быть мало. Кто знает, сколько нужно, чтобы это «древнее» не решило, что мы игнорируем его зов.

Лука скептически усмехнулся.

— Я не верю в мистику. Испугался, потому что это выглядело как активация взрывного устройства. Сейчас приедут специалисты — и всё будет нормально. Бояться нечего.

Он сделал театрально-загадочное лицо:

— Ну… если только мести прошлого.

В этот момент в гостиную вошла синьора Лучия — с озадаченным выражением лица.

— В горах был обвал, — сообщила она. — Дорогу завалило. До завтра точно не расчистят. Так что вам, дорогая… — она многозначительно взглянула на Ромину, — придётся остаться у нас.

Ромина вздрогнула. Слова прозвучали как приговор. Она бросила быстрый взгляд на Луку, будто надеясь увидеть поддержку, но тот лишь слегка усмехнулся.

— Вечер будет долгим, — продолжила хозяйка. — Может, позвать моих стариков? Сыграем в карты? Или… — она хитро посмотрела на Луку, — расскажем страшные истории. Они в этом мастера.

Лука пожал плечами:

— Почему бы и нет. Страшилки — это всегда весело. Особенно когда в них никто не верит.

Ромина почувствовала, как внутри поднимается тревога. Обвал, отрезавший их от мира, казался слишком уж символичным. Но выбора не было. Она выдавила улыбку:

— Давайте без страшилок. А вот от ужина я бы не отказалась.

Они пили граппу и говорили ни о чём, пока усталость не накрыла обоих. В какой-то момент разговор оборвался, и повисла неловкая тишина.

— Уже поздно, — сказал Лука, зевая. — Пора спать. Но здесь только одна спальня.

— Отлично. Мне подойдёт этот диван, — улыбнувшись, ответила Ромина.

— Ну уж нет, диван для мужчины, — парировал Лука. — Я только поднимусь в спальню взять плед и подушку.

Они поднялись на второй этаж.

— Ага, то, что надо, — засовывая подушку под мышку и беря одеяло, сказал Лука.

— Перестаньте. Кровать большая. Если вы в своём возрасте не боитесь проснуться с больной спиной — можете идти на диван. Но я не из стеснительных, — она слегка покраснела, но в глазах мелькнул озорной огонёк.

— Ну… если вы настаиваете, — Лука попытался сохранить непринуждённость.

— Только чур, никаких храпов! — хихикнула она.

— Обещаю молчать, как рыба. А если что — толкните меня в бок.

Они легли, стараясь не касаться друг друга. Тишина давила. Ромина чувствовала, как горят щёки. Она смотрела в потолок, пытаясь успокоить сердце.

— Спокойной ночи, Ромина, — тихо сказал Лука.

— Спокойной ночи, Лука.

Через несколько минут он начал проваливаться в сон. В полудреме ему показалось, что она тихо вздохнула рядом. Но он уже не понимал — это было наяву или во сне…

…Яркий свет пробивался сквозь занавески. Не солнечный — мягкий, рассеянный.

Снег, подумал Лука. Он не видел его — он чувствовал его

в воздухе.

Он приподнялся. Вторая половина кровати была пуста. Лука улыбнулся.

Снизу доносился запах кофе, звон посуды и тихое женское мурлыканье.

Уже встала, — подумал он, растягиваясь в постели. Такие утра он любил: когда мир за окном замирает, укутанный снегом, а в доме тепло и спокойно.

Он накинул халат и спустился на кухню. Женщина стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле.

— Доброе утро, — прошептал он, обнимая её со спины.

Она вздрогнула, обернулась и улыбнулась.

— Доброе, — сказала она и поцеловала его в щёку.

Идеальное утро…

… Лука открыл глаза.

Образ исчез. Остался только шлейф воспоминаний двадцатилетней давности.

Он сел на кровати — абсолютно нагой. В голове всплыли обрывки: разговоры, смех, граппа… но не было ни одного чёткого воспоминания о том, что произошло ночью.

Он прошёл в ванную, умылся холодной водой. В зеркале — помятый, растерянный мужчина. Он попытался вспомнить — безуспешно.

Спустившись в столовую, он увидел синьору Лучию, заканчивающую сервировку.

— А Ромина уже ушла? — спросил он нерешительно.

Хозяйка прищурилась.

— Ромина? — переспросила она. — Сеньор Лука… Ромина не ночевала здесь.

Лука застыл.

— Как это — не ночевала? Мы же… — он осёкся. В голове всплывали обрывки: её голос, смех, тепло рядом. Но всё это было как сон, который тает при пробуждении.

Синьора Лучия мягко улыбнулась, но в её взгляде мелькнула тревога.

— Вы пришли один. Как всегда. Потом попросили граппу и долго сидели на террасе… и всё. Я слышала, как вы поднялись наверх. Никто не приходил.

Лука медленно сел.

Холодная волна непонимания поднималась внутри. Он не был настолько пьян… или был? Но почему тогда всё казалось таким реальным?

— А… снег? — прошептал он. — Он ведь выпал ночью?

Синьора Лучия удивлённо подняла брови.

— Снег? Нет, сеньор Лука.

— А обвал в горах? Дорога?

— Никакого обвала не было, — рассмеялась она, наливая ему кофе. — Вам всё это приснилось.

Лука смотрел на чашку и уже ничего не понимал — где заканчивается сон и где начинается реальность.

«Господи, Моретти, тебе же не двадцать лет, — подумал

он. — Устал. Выпил лишнего. Уснул раньше, чем думал. И всё это тебе лишь приснилось».

Глава 7

После завтрака Лука поднялся в комнату и начал собирать вещи. Пора было возвращаться домой, к работе, к привычной рутине. Перед отъездом он решил ещё раз подняться в монастырь. Внутри кипели реставрационные работы, люди сновали туда-сюда, но Ромины нигде не было. Будто её и не существовало.

Синьора Лучия договорилась с художником Мауро Альбицци, чтобы тот отвёз Луку на станцию.

Дорога домой тянулась бесконечно. Лука смотрел на серые горы, сливающиеся в однообразный фон, и понимал: внутри него ничего не изменилось. Та искра, что вспыхнула в первые дни, оказалась иллюзией. Самообманом. Приезд в обитель не принёс облегчения — наоборот, усилил то, что он пытался заглушить годами.

Горечь утраты.

Чувство вины.

Пустоту.

Он чувствовал только усталость. Будто внутри осталась одна пустота, в которой уже не за что было зацепиться. Вина была не эмоцией, а ядом, который проникал в каждую клетку. Он пытался оправдать себя, забыть, рационализировать,

но всё было тщетно.

Он смотрел в окно. В отражении — незнакомец. Тень человека, который когда-то умел улыбаться. Теперь он не жил — он существовал. И вдруг, среди серпантина и одинаковых гор, в голове Луки вспыхнула мысль: ему не нужны больше ответы, ему нужна точка обнуления.

Место, где можно сбросить груз, стереть память, начать заново — если это вообще возможно.

Телефон в кармане вибрировал. Лука достал его, и вместе с ним в ладонь выпал маленький цветной камень. Он, ошеломлённый, уставился на него.

Если не было ни Ромины, ни обвала, ни той ночи… как этот камень может быть реальным?

Он посмотрел на экран телефона. Сообщение от администратора сайта «Тень истины»:

«Мы нашли возможное местоположение оригинала файла. Это не сервер. Это физический объект. Координаты: 45,1184° N, 6,7432° E.»

— Стой… — тихо сказал Лука, но водитель не услышал.

— Останови машину! — рявкнул он.

— Что случилось? Что-то забыли?

Лука уже листал записную книжку. Координаты совпадали с теми, что он расшифровал в ноутбуке Марко. Он открыл скриншот с местоположением Дома Снега — те же цифры. Вбил координаты в поисковик — и выругался.

На экране — вид с высоты: горные склоны, леса, снежные

пики… и монастырь Святой Марии.

— Разворачивай, — сказал Лука, откидываясь на сиденье. — Я возвращаюсь.

Внутри что-то дрогнуло. Не надежда — она давно умерла. Скорее, профессиональный инстинкт. Слишком много совпадений указывали на одно и то же место.

Камень из лабиринта.

Голос дочери.

Исчезновение Марко.

Статья на сайте.

И теперь — координаты.

Всё сходилось в одной точке.

В монастыре.

«*Может быть, всё это связано между собой гораздо сильнее, чем кажется. А может, я просто схожу с ума*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.